

Гиссарскій край.

(Очеркъ горной Бухары).

— съ большимъ достоинствомъ сдѣлавъ установленный кулдукъ, хозяинъ присѣлъ снова на землю, наблюдая за приготовлениями чая и развязываніемъ моего походнаго व्यюка.

Узелъ веревки затянулся и, несмотря на усилія Ахмета его развязать, работа не увѣнчалась успѣхомъ.

Джигить сердито ворчалъ, работая и руками и зубами.

— Вы бы помогли, таксырь, съ сердцемъ обратился онъ къ авганцу, видите всѣ заняты дѣлами, а тюра ждетъ.

— Пусть не разсердится на меня полковникъ, но я ничѣмъ не могу помочь, отвѣтилъ авганецъ, выставляя изъ длинныхъ рукавовъ халата кисти рукъ своихъ съ обрубленными пальцами. Сынъ мой ушелъ.

Присѣвъ на войлокѣ и разматривая открывавшуюся картину горъ, я невольно повернулся къ нему.

— Какимъ образомъ лишились вы пальцевъ? задалъ я вопросъ.

Авганецъ задумался на минуту, но затѣмъ тотчасъ же отвѣтилъ:

— Тюра, вѣдь я изъ Авганистана. Вотъ тамъ, за тѣми снѣговыми горами, что виднѣются на югѣ, въ авганскомъ городѣ Кундузѣ я родился и тамъ жили все мои родные. Выучившись дома правиламъ, какъ вести себя среди людей, мнѣ, при помощи моего отца, служившаго кутвалемъ ¹⁾, удалось поступить въ конный полкъ и въ короткое время получить чинъ риссалидора ²⁾. Я былъ силенъ, здоровъ, меня любили мои начальники. Цѣлое помѣстье съ хорошимъ домомъ подарилъ мнѣ отецъ, а, когда я женился на дочеряхъ Кундузскаго хакима и Ханабадскаго биргита ³⁾, я думалъ, что нѣтъ человѣка счастливѣе меня. Лошади, баранта, большіе сады, красивыя жены, здоровыя дѣти, богатые и знатные родственники радовали мои глаза и веселили мое сердце. И вся жизнь шла въ удовольствіи.

Тюра самъ военный и знаетъ военные порядки. У насъ тоже самое, также служатъ и обучаютъ солдатъ. И это также мнѣ удавалось. Самъ Инаятула-ханъ, братъ эмира хвалилъ моихъ солдатъ. Но, на несчастье людей, Аллахъ создалъ бумагу, изъ которой дѣлаютъ книги, перья и чернила, которыми въ нихъ пишутъ.

Я, тюра, никогда не любилъ большую книгу расхода, высланную мнѣ биргитомъ. Каждый день въ нее приходилось писать все, что мнѣ присылалъ хакимъ для солдатъ и что я выдавалъ имъ. Иногда я писалъ самъ, иногда писалъ писарь. Когда ошибались въ чемъ, рвали такой листъ изъ книги и писали на новомъ, и все было хорошо. Но счастье, тюра, недолговѣчно.

Великій умъ далъ Аллахъ эмиру, за всѣмъ онъ сталъ смотрѣть, и вездѣ въ Авганистанѣ сталъ заводить новые порядки, что узналъ, когда жилъ среди урусовъ въ Самаркандѣ. Не знаю, хороши ли они или нѣтъ.

Съ началомъ новаго года, оказавшагося самымъ плохимъ въ моей жизни, призвалъ меня корпель ⁴⁾ и выдалъ книгу расхода, и это не была уже простая книга, а за печатью самого эмира.

У меня сердце сжалось, когда я увидѣлъ эту печать, и какъ то тяжело стало на душѣ, когда на первой страницѣ я прочелъ слова эмирскаго приказа, что за каждую вырванную страницу будетъ от-

1) Кутваль — начальникъ полиціи.

2) Риссалидоръ — ротмистръ.

3) Биргитъ — бригадный.

4) Корпель — полковникъ.

рубленъ одинъ палець у того, кто это сдѣлалъ. Но какъ то все забывается. Сталъ я писать снова въ книгу, ошибался, вырывалъ листы. И писарь мой также ошибался и дѣлалъ тоже самое. Никто изъ насъ не думалъ, что въ ней лежитъ несчастье.

Но пришелъ часъ...

Пріѣхалъ однажды изъ Файзабада сердарь Инаятула-ханъ съ биргитомъ, видѣли моихъ солдатъ на ученьѣ, а потомъ стали смотрѣть мою книгу.

Это былъ ужасный день моей жизни. При всемъ народѣ была осмотрѣна моя книга. Разсердился сердарь, когда увидѣлъ вырванныя страницы. Приказалъ ихъ сосчитать. Заставилъ сердарь меня снова прочитать приказъ эмира, помѣщенный на первой страницѣ, и крикнулъ палача. Мои же солдаты, по его распоряженію, держали меня, пока палачъ острымъ топоромъ рубилъ мнѣ все пальцы на обѣихъ рукахъ. И ни одного не оставили мнѣ, такъ какъ было очень много вырванныхъ листовъ. А за то, что нехватило у меня пальцевъ, взяли часть моего имущества въ эмирскую казну, и вышелъ я тогда калѣкою и байгушемъ.

Сосчитали моихъ солдатъ въ риссалѣ, но также не всѣхъ ихъ нашли. Только вѣдь, тюра, это вездѣ. Каждый риссаялдоръ доходъ долженъ имѣть, а потому, если кто умереть, то такого никогда не считаютъ умершимъ. Мертвому вѣдь все равно, а живой можетъ лучше жить, получая за него, что дать на него хакимъ.

Еще больше разсердился тогда сердарь и написалъ эмиру, чтобы меня казнить. И самъ этого не слышалъ. Лилась у меня кровь изъ рукъ и лежалъ я, какъ мертвый. Но заговорило сердце у моего отца. Послалъ онъ людей взять меня и перевязать мои раны. А пока веселился на охотѣ сердарь, успѣли люди отца спрятать меня въ глухомъ мѣстѣ. Продали въ это время мои жены все имущество и, взявъ дѣтей и меня, пріѣхали къ Аму-Дарьѣ, гдѣ около Айваджа перешли на бухарскую землю.

И здѣсь, тюра, мы живемъ десятый годъ, въ Кабадианѣ. Аллахъ не забылъ меня, благословивъ потомствомъ, и хотя я калѣка и самъ ничего дѣлать не могу, но меня замѣняетъ мой старшій сынъ.

Какъ-то странно было слышать про такое суровое наказаніе, введенное авганскимъ эмиромъ въ своихъ войскахъ для уничтоженія злоупотребленій, съ которыми настолько свыкъся весь служащій составъ, что считаетъ ихъ своимъ нормальнымъ доходомъ.

Вблизи насъ залаяли собаки. Злобно кидаюсь на кого-то въ тем-

ночь, овчарки, видимо, замѣтили что-то въ глубокихъ оврагахъ, примыкавшихъ къ нашей стоянкѣ.

Джигитъ Ахметъ схватилъ винтовку и вмѣстѣ съ нукеромъ направился на лай. Я, вынувъ револьверъ, пошелъ за ними слѣдомъ. Черезъ нѣсколько минутъ гулкѣй выстрѣлъ винтовки прорѣзалъ тишину и эхо, перекатываясь, отозвалось гдѣ-то далеко въ горахъ по обѣимъ сторонамъ рѣки.

— Въ чемъ дѣло, Ахметъ, что случилось?

— Ничего, ваше благородіе. Воръ одинъ стрѣльнулъ. Къ лошадямъ нашимъ подходилъ, угнать ихъ хотѣлъ.

Гдѣ-то впереди въ темнотѣ на мгновеніе вспыхнулъ огонекъ, и вмѣстѣ со звукомъ выстрѣла съ своимъ пронеслась надо мною пуля, ударившись съ глухимъ стукомъ позади въ землю. Еще... и еще....

Стукъ копытъ нѣсколькихъ лошадей, удаляясь, послышался черезъ минуту, и затѣмъ все стихло.

— Нехорошіе люди подѣзжали. Если бы не собаки, угнали бы нашихъ лошадей. Пошелъ бы, тюра, пѣшкомъ, подходя ко мнѣ сказалъ старый Джевачи. Только они не знали, что полковникъ съ нами, думали: купцы съ товарами въ Гиссаръ ѣдутъ. На русскихъ они никогда не нападаютъ.... Узнаетъ гиссарскій кушь-беги—будетъ сердить. Меня накажетъ....

— Почему же это? Развѣ Джевачи виноваты, что дурные люди въ здѣшнихъ мѣстахъ встрѣчаются?

— Тюра не знаетъ, что всегда кто-нибудь виноватымъ долженъ быть. Караулъ-беги штрафъ возьметъ съ меня, а кушь-беги съ нашего бека.

— Но за что же? удивился я. Навѣрное ничего не будетъ. Я никому не скажу. Значить, никто и не узнаетъ.

— Нельзя, тюра, этого сдѣлать: много людей слышали. Лучше самому сказать, а то другой кто скажетъ, еще хуже будетъ. Кушь-беги пошлетъ своихъ людей ловить этихъ разбойниковъ. Въ прошломъ году поймали нѣсколькихъ. Посадилъ онъ ихъ въ зинданъ, а потомъ каждый мѣсяцъ по одному приказалъ рѣзать. Горло перерѣжутъ и повѣсятъ, чтобы всѣ видѣли. Цѣлый мѣсяцъ тѣ люди висѣли на базарѣ—для купцовъ нехорошо было, потому воздухъ тяжелый вездѣ былъ и коршуны и вороны, прилетая клевать трупы, растаскивали внутренности ихъ по всѣмъ крышамъ. Женщины боялись тогда по базару проходить. Ну и дѣти, тѣ сначала пугались, а потомъ ничего, привыкли.

Ходили купцы къ кушъ-беги, просили его снять тѣла, потому—покупателямъ они мѣшали—смердили очень, и сидѣть въ лавкахъ долго было нельзя. Но только разсердился кушъ-беги, велѣлъ ихъ прогнать. А тѣ люди, пока ихъ кости всѣ не были растащены птицами, висѣли на веревкахъ.

На расвѣтѣ подулъ съ рѣки прохладный вѣтерокъ, благодаря которому, послѣ безпокойной ночи, я проспалъ больше положеннаго и мы выѣхали позднѣе.

Туманъ надъ Каферниганомъ уже разсѣялся и рѣка блестяла на солнцѣ.

Сжатая въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдвинувшимися крутыми берегами, она съ шумомъ катила свои воды черезъ камни, образуя глубокіе водовороты. Но выше такихъ естественныхъ запрудъ долина снова расширялась, а вмѣстѣ съ этимъ широко разливалась вода по низменнымъ мѣстамъ, поросшимъ ивнякомъ и камышами. Небольшіе ручейки, кое-гдѣ журча, вливались въ рѣку, сбѣгая съ вершины Баба-тау.

Всегда разговорчивый Джевачи, несмотря на прекрасное утро, былъ, повидимому, въ скверномъ настроеніи и ѣхалъ сзади меня молча, порою вздыхая и бормоча вполголоса слова какой-то молитвы.

— Что Джевачи вздыхаетъ, нездоровъ? спросилъ я, немного придерживая лошадь.

— Нѣтъ, тюра, здоровъ, заторопился онъ испуганно, схватившись за распущенные поводья.

— Случилось что-нибудь?

Старикъ вздохнулъ, пытливо заглянулъ въ глаза и, замѣтивъ сочувствіе къ себѣ, заговорилъ:

— Пусть только, тюра, никому не расскажетъ: это не языкъ мой, а больная душа сама говоритъ, потому что тяжело на сердцѣ. Тюра не знаетъ, у меня было два сына, радовавшихъ мой взоръ, и я надѣялся видѣть ихъ хорошими людьми, которые будутъ пользоваться уваженіемъ всѣхъ, но судьба приготовила имъ другое.

Послалъ Аллахъ имъ въ наслѣдіе отъ ихъ матери ея лицо, и не было вокругъ красивѣе моихъ сыновей. Глаза, какъ сливы, щеки, какъ зрѣлый персикъ, а зубы лучше самаго лучшаго жемчуга. Наши дѣвушки и всѣ женщины на свѣтѣ любятъ цѣловаться, и онѣ лизали моихъ мальчиковъ, какъ самый сладкій сахаръ. И мужчины и женщины не могли пройти мимо, чтобы не бросить взоръ удивле-

нія. И мое старое сердце радовалось, глядя на нихъ, не предвидя, что скоро эту радость смѣнить скорбь.

Ты помнишь, тюра, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ наложилъ эмиръ, да продлить его долголѣтіе Аллахъ, свой гнѣвъ на нашего бека? Приѣхалъ тогда изъ Бухары махрамъ ⁵⁾ ночью. Отобралъ сразу у него все имущество, снялъ драгоценный золотой халатъ и, надѣвъ на него рваный халатъ мардакера, ⁶⁾, посадилъ у воротъ бекскаго двора.

И всѣ люди ходили смотрѣть, какъ этотъ большой тюра сидѣлъ, какъ нищій на землѣ. Весь городъ бѣгалъ смотрѣть на это зрѣлище. А вмѣстѣ съ другими бѣгали и мои мальчики. Выѣзжалъ въ это время на молитву махрамъ, увидѣлъ ихъ обоихъ и загорѣлись у него глаза, какъ у волка, глядя на такую красоту. Зналъ онъ чѣмъ можно добыть милость въ Бухарѣ. Написалъ туда хать ⁷⁾, и не прошло десяти дней, какъ пришелъ приказъ эмира—взять обоихъ мальчиковъ и привести ихъ въ Кермине. Плакали мои старые глаза и тосковало сердце, когда уѣзжалъ махрамъ съ большимъ караваномъ. Много верблюдовъ шло, везя богатство прежняго бека, а онъ самъ въ рубищѣ, съ веревкою на шеѣ, шелъ около. Много я обидѣ видѣлъ отъ него, по его униженіе не радовало меня. На переднемъ верблюдѣ, въ закрытой тканями кибиткѣ везли моихъ сыновей эмиру. Больше не пришлось мнѣ ихъ видѣть, такъ какъ они веселятъ взоръ эмира, служа ему бачами.... И я примирился съ этимъ тяжелымъ испытаніемъ, посланнымъ мнѣ судьбою.

Снова нѣсколько лѣтъ шла наша жизнь. И сердце нашло радость въ дочери, которая росла и была еще болѣе красива, чѣмъ ея братья. Думалъ я выдать ее замужъ за одного изъ баевъ нашего племени, но снова и это не удалось.

Вчера привезъ нукеръ приказъ—приказалъ кушь-беги привести дѣвочку къ себѣ. Десять лѣтъ ей. И снова болить у меня душа, такъ какъ мало радостей готовить жизнь для нея въ будущемъ.

Но кисметъ—судьба. Кушь-беги приказалъ—что же я могу сдѣлать, какъ не исполнить волю пресвѣтлаго намѣстника эмира, да пошлетъ ему долголѣтіе Аллахъ....

Безыскусственный рассказъ страницы человѣческаго бытія, поданнаго эмира Бухары благородной, произвелъ невольно гнетущее

⁵⁾ Махрамъ—чйнovníкъ для порученій.

⁶⁾ Маркадеръ—чернорабочій.

⁷⁾ Хать—письмо.

впечатлѣніе, поразивъ въ то же время своею глубокою покорностью передъ судьбою и волею большого сановника, являющагося распорядителемъ жизни и имущества всѣхъ живущихъ въ управляемой имъ мѣстности.

Глава IV.

Святой Іовъ.—Въ окрестностяхъ Гиссара.

Рѣчная долина значительно уменьшилась въ ширину и горы мѣстами придвинулись къ самой рѣкѣ, спускаясь къ ней крутыми обрывами. Дорога то поднималась кверху, то, перебросившись черезъ высокій отрогъ, уходила внизъ, извиваясь среди холмовъ по глубокому оврагу. Никакихъ слѣдовъ улучшенія ея руками людей почти не встрѣчалось. Повидимому, протоптанная въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ ногами верблюдовъ и лошадей, дорога требовала для приведенія ея въ порядокъ большой работы. Глубокія рывины и овраги, по которымъ стекали воды съ горъ, во многихъ мѣстахъ были сильно размыты и нуждались въ устройствѣ мостовъ.

Поднявшись на довольно высокій переваль, я имѣлъ возможность окинуть взглядомъ открывшуюся горную панораму, все время раньше закрытую ближайшими горами.

На западѣ выдѣлялся переваль Хозреть-баба въ горахъ Баба-тау, черезъ который проходитъ дорога изъ Ширабада въ Курганъ-тюбе. Внизу подъ нимъ, спрятавшись въ складки высокихъ холмовъ, виднѣлась густая растительность кишлака Акъ-Мечети, а на сѣверѣ ясно обрисовывался кишлакъ Лойка, лежащій уже недалеко отъ города Гиссара. Востокъ же былъ закрытъ угрюмыми горами Койчи-тау, соединявшимися съ Вахшскимъ хребтомъ, сзади котораго поднимались бѣлыя шапки снѣговыхъ горъ, находящихся въ Авангистанѣ. Закрытый, будто бѣлой стѣной, Гиссарскимъ хребтомъ, сѣверъ былъ окутанъ туманами, поднимавшимися изъ Гиссарской долины къ его подножью. Вѣтеръ порою разрывалъ эту завѣсу, черезъ которую выступали темныя предгорья съ мрачными ущельями и скалистыми спусками, покрытыми зелеными полосками древесной растительности.

Сѣверный вѣтеръ доносилъ прохладу, благодаря которой лошади шли бодро, не чувствуя усталости.

Небольшой кишлакъ Лойка, расположенный недалеко отъ

Гиссара, не имѣлъ никакихъ характерныхъ особенностей, могущихъ выдѣлить его изъ десятковъ видѣнныхъ нами кишлаковъ. Тѣ же глинобитныя сакли и дувалы съ кибитками, поставленными среди дворовъ, указывали на то, что его населеніе ведетъ полуосѣдлый, полукочевой образъ жизни, занимаясь одновременно и земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Мѣстность значительно измѣнилась: холмы постепенно дѣлались пологими, спускаясь въ долину, въ концѣ которой поднималась довольно высокая горка, составлявшая подножье стѣнъ старой Гиссарской крѣпости, омываемая водами притока Кафернигана, Ханеке-Дарьи.

На правомъ берегу, составляя собою водораздѣлъ между Каферниганомъ и Ханеке-Дарьей, поднимался небольшой хребетъ, закрывавшій собою Гиссарскую долину, покрытую сплошь обработанными полями.

Близость большого города начиналась чувствоваться во встрѣчныхъ караванахъ, шедшихъ съ кладью изъ Гиссара. Нѣсколько узбековъ, переговариваясь между собою, медленно ѣхали на ишакахъ и лошадяхъ, сидя сверху положенныхъ, вмѣсто сѣделъ, мѣшковъ съ зернами. Одинъ изъ нихъ, весь обмотанный висѣвшими у него на шеѣ мотками нитокъ всѣхъ цвѣтовъ, имѣлъ до пальца курьезный видъ.

— Для чего это онъ везетъ такъ много нитокъ, не знаешь ли, Джевачи?

— Это не питки, тюра, а шелковая пряжа; онъ уста ⁷⁾ и дѣлаетъ изъ нихъ адрысь ⁸⁾ и шая ⁹⁾ на халаты. Здѣсь, въ Гиссарскомъ бекствѣ, и у насъ, около Кабадіана, разводять вездѣ шелковыхъ червей и получаютъ отъ нихъ много шелковой пряжи, которую въ Гиссарѣ и Дюшамбе окрашиваютъ и продаютъ устамъ. Ты не слыхалъ, тюра, вѣдь около русскаго города Андпжана есть мѣсто, гдѣ первый разъ на землѣ появились шелковичные черви?

— Почему ты думаешь, что около Андпжана? Я слыхалъ, что ихъ привезла съ собою дочь богдыхана изъ Китая, когда вышла замужъ за Хатанскаго хана, заплетя шелковые коконы, чтобы ихъ спрятать, въ свои густые волосы.

— Нѣтъ, тюра, это нетакъ. Около Андпжана они явились потому, что именно тамъ жилъ великій Хозреть-Аюль ¹⁰⁾, и мѣсто то такъ

7) Уста — мастеръ.

8), 9) Названіе шелковыхъ матерій.

10) Св. Ювъ.

и называется Хозреть-Аюбъ. Около него находится въ источникахъ горячая вода. Когда Аллахъ послалъ на Хозрета-Аюба страшную болѣзнь—проказу, онъ долго искалъ, гдѣ можно получить облегченіе отъ своихъ страданій. Но самъ Аллахъ указалъ ему горячій ручей, протекающій невдалекѣ отъ Андижана. Поставилъ тогда Хозреть свою кибитку около той воды и сталъ каждый день омывать свои раны горячею водою, чувствуя облегченіе. А въ ранахъ тѣхъ уже завелись черви, которыхъ дѣлалось все больше и больше. Спускался въ водоемъ Хозреть-Аюбъ, когда въ немъ набиралось достаточно свѣжей воды, и тогда черви отъ горячей воды отпадали на дно ручья, гдѣ превращались въ большихъ черныхъ пѣвокъ, распространившихся потомъ по всѣмъ рѣкамъ и болотамъ страны. Но не всѣ черви отпадали сразу. Чувствуя облегченіе, выходилъ Хозреть изъ воды и, сядя подъ тутовымъ деревомъ, глинянымъ черепкомъ выскребывалъ оставшихся въ ранахъ червей и бросалъ ихъ на землю. И черви эти, извиваясь, ползли къ дереву, скрываясь въ его листьяхъ, а, отдохнувъ на нихъ, начинали уничтожать сочныя листья тута, производя себѣ подобныхъ. Выздоровѣлъ въ это время, по волѣ Аллаха, Хозреть-Аюбъ, такъ какъ простилъ его Всемогущій. И въ память его страданій приказалъ Аллахъ жить тѣмъ червямъ, дѣлая на пользу людямъ шелковичныя пряди.

Глава V.

Земледѣліе.—Преданія о Кокъ-Ташѣ и нашествіи китайцевъ.

Внизу въ долину виднѣлись обработаныя поля и всѣ склоны горъ были покрыты посѣвами, указывая, что мы вступили въ богатый земледѣльческій районъ.

Рѣчная долина между тѣмъ дѣлалась все шире и шире, превратившись въ холмистую равнину, болѣе десяти верстъ ширины.

Отдохнувъ въ кишлакѣ Ходжа-Имамъ, мы переправились на правый берегъ рѣки, взявъ направленіе на г. Дюшамбе, виднѣвшійся издали своими садами и постройками; вправо растилался многолюдный кишлакъ Пшанглярь, гдѣ предполагалось оставаться на ночлегъ.

Г. Каферниганъ также былъ виденъ, и вся долина своими большими городами подтверждала, что мѣста эти съ сѣдой старины облюбованы людьми для осѣдлой жизни, благодаря особому пло-

родію почвы, обилію воды въ десяткахъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, спадающихъ со склоновъ и отроговъ Гиссарскаго хребта.

Бѣлыя шапки главнаго горнаго массива закрывали весь сѣверъ, гдѣ сливались съ бѣлыми же снѣжными вершинами хребта Зарявшанскаго, создавая впечатлѣніе, что тамъ находится сплошная полярная страна, по своему безлюдью похожая на страшную пустыню. Южная часть хребта была ярко освѣщена солнцемъ и обтаявшія снѣжныя горы блестѣли, отливая всѣми цвѣтами радуги.

Холодный вѣтеръ, будто ледяное дыханіе, доносился до насъ и, хотя до горъ была добрая полсотня верстъ, но самый видъ такихъ огромныхъ снѣговыхъ массивовъ невольно давалъ впечатлѣніе и способствовалъ самовнушенію о сильномъ пониженіи температуры.

Обширныя, прекрасно воздѣланныя поля пшеницы чередовались съ огромными площадями, засѣянными хлопчатникомъ, уже покраснѣвшимъ, съ налившимися крупными круглыми коробочками, заставлявшими кусты сгибаться подъ ихъ тяжестью.

— Много сѣть хлопка, Караулъ-беги, обратился я къ старику мирахуру, выѣхавшему навстрѣчу, по распоряженію гиссарскаго бека.

— Очень много, тюра, сѣютъ около Каршей, Шахриязба и по Зарявшану, а здѣсь мало; потому что у насъ нѣтъ дорогъ, по которымъ можно отвести гузу на заводы. Верблюдъ поднимаетъ 12 пудовъ и перевозка обходится очень дорого. Вотъ если бы здѣсь была урусъ-шайганъ-арба ¹¹⁾, что около Бухары ходитъ, тогда бы сняли его очень много.

Вспомнивъ видѣнное въ другихъ бекствахъ, я долженъ былъ признать его доводы правильными.

Посѣвы хлопка въ ханствѣ сосредотачиваются въ бекствахъ, расположенныхъ по Зарявшану и Аму-Дарьѣ, причемъ общее количество (почти на 100 т. десятинахъ хлопка) достигаетъ до 5 мил. пудовъ. И надо думать, что съ проведеніемъ желѣзнодорожной линіи до Термеза и вѣтки ея въ Гиссаръ, Динауское и Гиссарское бекства, находящіяся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, благодаря обилію воды и плодородности почвы, образуютъ новый хлопковый раіонъ, могущій дать не меньше 2—3 милл. пудовъ хлопка.

Отсутствіе всякихъ путей сообщенія съ богатымъ гиссарскимъ краемъ, отдѣленнымъ отъ западной Бухары огромными горами, создаетъ такое положеніе, что исключительно богатые урожаи зерно-

¹¹⁾ Желѣзная дорога—чертова повозка.

выхъ хлѣбовъ съ небольшою, сравнительно, площади земли, вполне обезпечиваютъ мѣстное населеніе, не видящее необходимости въ увеличеніи запасекъ, такъ какъ излишекъ хлѣба остается въ краѣ, способствуя постоянно крайне низкимъ базарнымъ цѣнамъ на зерно. Благодаря этому, дешевизна цѣнъ положительно поражаетъ всякаго, особенно, по сравненію съ Термезомъ, гдѣ они въ три-четыре раза выше. Лишь проведеніе желѣзной дороги отъ Термеза и до Гиссара можетъ создать изъ этого благословеннаго края земледѣльческой районъ, могущій снабжать огромнымъ количествомъ зерна всѣ низовья Аму-Дарьи, нуждающіяся въ хлѣбѣ и въ свою очередь могущія всѣ свои поля обратить подъ посѣвы хлопка, который нынѣ засѣвается тамъ въ небольшомъ количествѣ. Хотя въ тоже время нельзя не сказать, что культура хлопка, вообще, во всемъ Бухарскомъ ханствѣ не достигла еще той степени развитія, какъ въ русскихъ областяхъ Средней Азіи, несмотря на то, что по количеству своего населенія, качеству почвъ годныхъ подъ хлопчатникъ земель и позапасу свободныхъ водъ, Бухара превышаетъ Ферганскую область. Вывозъ же хлопка уже много лѣтъ выражается въ количествѣ отъ 1 мил. до 1 мил. 300 тыс. пудовъ, тогда какъ въ Ферганѣ за десятилѣтіе повысился съ 1 мил. на 7 мил. пудовъ. И эта постоянная цифра вывоза какъ нельзя лучше указываетъ, что площади засѣва хлопчатника, несмотря на выгодность его посѣва, не увеличиваются, чему главнымъ образомъ препятствуетъ система торговыхъ обложеній и отсутствіе путей сообщенія.

Благодаря взиманію въ податъ $\frac{1}{10}$ урожая, который опредѣляется бухарскими чиновниками, обыкновенно сильно опаздывающими со своими работами, американскій (болѣе цѣнный хлопчатникъ) переставается (и тогда урожай оказывается сравнительно меньше) и выпадаетъ изъ коробочекъ, почему населеніе его не засѣваетъ, предпочитая болѣе дешевый, но зато съ нераскрывающимися коробочками, бухарскій хлопокъ. Затѣмъ весь урожай хлопка свозится въ особые сдаваемые на откупъ сараи, гдѣ облагается рядомъ различныхъ сборовъ: комиссіонными, вѣсовыми, рабочими, полицейскими и т. п., составляющими до 20% стоимости хлопка.

Въ общемъ, американскій хлопокъ даетъ до 200 р. чистаго урожая съ десятины, а бухарскій не болѣе 50 р.

Заводовъ же гузопомочныхъ съ машинами, освобождающими хлопчатникъ отъ коробочекъ, внѣ линіи Средне-Азіатской желѣзной дороги, не имѣется, и это обстоятельство ложится тяжкимъ бременемъ на хлопокъ, такъ какъ перевозка гузы на большія разстоя-

нія удорожаетъ его едва ли не на $\frac{1}{3}$ стоимости, заставляя перевозить $\frac{1}{4}$ бесполезнаго груза—твердыя коробочки, составляющія его оболочку.

По берегамъ рѣки видѣлись лежащія въ огромномъ количествѣ камни, преимущественно круглой формы, отшлифованные водою во время продолжительнаго передвиженія съ горныхъ высотъ, лежащихъ въ ея верховьяхъ. Зеленые, синіе діориты и діабазы, вмѣстѣ съ черными, красными мраморами, разноцвѣтной полосой выдѣлялись на фонѣ желтоватаго ила.

Я слѣзъ съ лошади и, выбравъ красивый камень ярко-зеленаго цвѣта, положилъ его въ хуржумъ, вызвавъ большое удивленіе бухарскаго чиновника.

— Зачѣмъ, тюра, нуженъ камень? Вѣдь онъ ничего не стоитъ, спросилъ онъ, всматриваясь въ мои глаза и желая повидимому прочитатъ какую то затаенную мысль, которую я, по его заключенію, имѣю, спрятавъ ничего не стоящій камень.

— Хочу себѣ привезти на память о здѣшнихъ мѣстахъ, улыбнулся я.

— Но вѣдь это лишняя тяжесть для коня... Вѣдь это не кусокъ кокъ-таша, который стоило бы везти, упорно продолжалъ доказывать мнѣ Караулъ-беги.

— А что такое кокъ-ташъ ¹²⁾? задалъ я вопросъ, чтобы окончить объясненіе.

— Неужели, тюра, не слышалъ объ этой замѣчательной рѣдкости?

— Вѣдь кокъ-ташъ—зеленый камень—былъ самимъ Аллахомъ данъ великому эмиру Тимурь-хану, за его храбрость и совершеніе подвиговъ, во славу ислама. Ты не слышалъ, тюра, этой исторіи, которую знаетъ каждый правовѣрный? Это, тюра, ничего. Хотя вѣдь кокъ-ташъ теперь урусы скрыли въ своей крѣпости въ Самаркандѣ. Это чудо. Но кокъ-ташъ не виноватъ, что ты его не видѣлъ. И солнце не виновато, что глазамъ летучей мыши не дано зрѣнія, совершенно неожиданно закончилъ онъ свое разсужденіе, какъ будто обиженный моимъ незнаніемъ о существованіи такой рѣдкости, подыскавъ въ тоже время мнѣ въ этомъ оправданіе.

Проѣхавъ молча, довольно долго, онъ наконецъ, снова добродушно взглянулъ на меня и заговорилъ:

— Тысяча лѣтъ пронеслось какъ мигъ надъ землею съ тѣхъ

¹²⁾ Кокъ-ташъ—зеленый камень.

порь, какъ жилъ великій Тимурь, гроза всѣхъ странъ, лежавшихъ на сѣверъ, западъ, югъ и востокъ отъ благородной Бухары, до самыхъ береговъ морей, омывающихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ землю и смывающихъ съ нея всю нечистоту и грѣхи людей, оскверняющіе прекрасное твореніе Всемогущаго.

Десятки тысячъ воиновъ пасли своихъ быстроногихъ коней, поставивъ свои кибитки въ Бухарскихъ степяхъ, готовые по одному знаку своего эмира летѣть навстрѣчу врагу къ побѣдамъ. Звонъ сабель во время сраженій былъ такъ громокъ, что разносился по всему свѣту, а искры, выбиваемыя ими во время ночныхъ стычекъ, были такъ многочисленны, что освѣщали далекое пространство вокругъ. Напѣвая жалобныя пѣсни смерти, неслись тучами во враговъ ихъ пернатыя стрѣлы, закрывая собою свѣтъ солнца.

Огромные караваны шли каждый разъ за войсками, возвращавшимися послѣ войнъ съ сосѣдями. Тысячи рабовъ, мужчинъ и женщинъ, шли привязанные къ верблюдамъ цѣлыми вереницами. Драгоценныя матеріи, ковры, золото, серебро и самоцвѣтные камни составляли собою несмѣтную добычу, доставшуюся на долю эмира.

Несмѣтныя богатства собралъ онъ въ своемъ дворцѣ, но среди нихъ не было драгоценнѣе кокъ-таша—зеленаго камня, даннаго эмиру самимъ Аллахомъ за его храбрость и войны съ невѣрными. И имѣлъ тотъ камень чудесное свойство: по нему могъ узнать эмиръ—благословляетъ ли Аллахъ его мечъ на новую войну, и будетъ ли она такая же побѣдоносная? И въ то же время этотъ же камень точно указывалъ наступленіе праздника весны и пробужденія природы.

А узнать это можно было лишь послѣ долгихъ постовъ и молитвъ. Твердый, какъ желѣзо, камень, по волѣ Аллаха, въ этомъ случаѣ, дѣлался какъ воскъ, и въ него по рукоятку, совершенно свободно, входилъ, даже отъ легкаго удара, клинокъ ножа, носимаго эмиромъ за поясомъ. И камень послѣ этого снова становился твердымъ, какъ желѣзо, а ножъ оставался въ немъ до слѣдующей войны. Когда же Аллахъ не хотѣлъ войны, никакою силою нельзя было всадить въ кокъ-ташъ булатный ножъ. Онъ ломался и крошился объ его твердую поверхность.

Счастливо всегда воевалъ Тимурь-ханъ, потому что ему всегда сопутствовало благословеніе Аллаха. Завоевалъ онъ всѣ народы и земли урусовъ, англизовъ, Иранъ, и только одна страна Хитая оставалась ему не подвластною. Но позднѣе, собравъ всѣ свои войска, повелъ онъ ихъ на востокъ, и не могъ народъ Хитая удержать этотъ

стремительный потокъ, сметавшій все на своемъ пути. Испугался ханъ Хитай и сталъ просить мира, обѣщавъ Тимурь-хану выдать за него свою красавицу дочь, красивѣе которой не было дѣвушекъ во всей его обширной странѣ.

Согласился на эти условія Великій Тимурь, а когда увидаль лицо своей будущей жены, на которомъ, какъ звѣзды, блистали чудные глаза, то забилось его старое сердце и онъ подарилъ ей кокъ-ташъ, какъ свадебный подарокъ, которымъ жена можетъ распоряжаться въ будущемъ по своему усмотрѣнью.

И былъ снова счастливъ эмиръ, упиваясь ласками своей прекрасной жены. Забываль онъ и походы, и быстроногихъ коней, и военныя забавы, и соколиныя охоты, отдыхая на праздникахъ среди своихъ чудныхъ садовъ.

Но всему на свѣтѣ положень свой предѣлъ. Въ глубокой старости смежились грозные очи Тимурь-хана—грозы невѣрныхъ. Рядомъ съ нимъ легли въ сырую землю и его прекрасныя жены.

Время безощадною рукою многое смело съ лица земли. Взята столица Тимура—Самаркандъ урусамы. Но кокъ-ташъ и до сихъ поръ существуетъ на свѣтѣ, спрятанный урусамы въ глубокомъ подземельѣ, такъ какъ хитай все время стараются имъ завладѣть. Хань Хитай считаютъ, что кокъ-ташъ былъ подаренъ эмиромъ своей женѣ, дочери хитайскаго хана, не имѣвшей отъ него дѣтей, а потому, по шаріату, они и являются наслѣдниками, имѣющими на него права.

Ты понимаешь, тюра, какъ важно имѣть кокъ-ташъ для каждаго правителя? И теперь всѣ силы хитайскаго народа уже направлены къ тому, чтобы добыть изъ Самарканда кокъ-ташъ, благословеніе Аллаха.

Прошедшее рода людскаго записано въ памяти мудрыхъ людей, передавшихъ его другъ другу. Но будущее скрыто отъ всѣхъ, а потому его никто не могъ бы знать. Но Аллахъ любилъ пророка Магомета, печать всѣхъ пророковъ, и отличилъ его отъ всѣхъ людей, открывъ невѣдомое, для передачи всѣмъ правовѣрнымъ. Я не читаю, тюра, такъ какъ читать не умѣю, но одинъ дервишъ мнѣ рассказывалъ, что въ книгахъ самъ пророкъ своимъ мюридамъ далъ откровеніе...

«Долго будетъ сіять солнце ислама ослѣпительнымъ блескомъ, пока не поднимутся противъ него невѣрные всего міра. Но и ихъ царство недолговѣчно. Съ востока, изъ колыбели рода человѣческаго, встанутъ несмѣтныя полчища хитайцевъ и поведетъ ихъ ханъ

Хитай на невѣрныхъ запада, добывать благословеніе Аллаха, кокъ-ташь. И будетъ тогда страшная битва, въ которой примуть участие всѣ племена, живущія на землѣ. Ожесточившіеся враги превратятся въ звѣрей, убивая и грызя своихъ враговъ. Погаситъ тогда солнце Аллахъ, чтобы не видѣть этой людской злобы. И кончится жизнь на землѣ въ полномъ мракѣ, въ которомъ оставшіеся люди уничтожатъ другъ друга, а тогда настанетъ вѣчная ночь и вѣчное безмолвіе».

Глава VI.

Туземная сваха. Свадебные обычаи. Астрономъ З.

Ночлежь въ кишлакѣ Пашанглярѣ среди сада, въ которомъ мы остановились, давалъ возможность видѣть то огромное количество всякихъ фруктовъ, сложенныхъ въ сушеномъ видѣ въ большихъ мѣшкахъ-чувалахъ, подъ развѣсистымъ тутомъ, которое собирается въ садахъ этихъ мѣсть.

— Неужели это все собрано здѣсь? спросилъ я хозяина, еще молодого узбека, съ печальными задумчивыми глазами.

— Да, тюра, Аллахъ послалъ въ этомъ году хорошей урожай. Много собрали урюку, персиковъ, изюму, шапталы. Солнце высушило ихъ хорошо, и теперь я завтра собираюсь отвести все приготовленное въ Дюшамбе на базаръ, оставивъ лишь немного для себя.

— Сколько же думаетъ хозяинъ выручить за это?

— Ахъ, тюра! Здѣсь всѣ сушеные фрукты очень дороги: те-негъ десять за мѣшокъ можно получить, наивно отвѣтилъ онъ, очевидно считая огромною суммою стоимость мѣшка пуда въ три вѣсомъ, на наши деньги—полтора рубля.

Подивившись этой дешевизнѣ, я заглянулъ въ ближайшей мѣшокъ, наполненный крупными темно-желтыми сушеными абрикосами, цѣна которыхъ даже въ Ташкентѣ достигаетъ до 20 коп. за фунтъ.

Старая женщина, вышедшая изъ кибитки, стоявшей въ концѣ сада, подошла къ мѣшкамъ и, вынувъ иглу съ ниткою, стала зашивать ихъ, порою бросая выразительные взгляды на незнакомаго ей уруса.

— Кто эта женщина? указаль я на старуху.

— Это мать хозяина караванъ-сарая, отвѣтили Карауль-беги, привѣтливо ей поклонившись. Ее, тюра, здѣсь всѣ наши люди знаютъ, потому что она о свадьбахъ хлопочеть. Всегда знаетъ у кого есть сынъ, у кого дочери. Хлѣбъ отъ такого дѣла хорошій ѣсть.

— Можно поговорить съ нею потомъ, когда она окончить свою работу?

— Отчего-же, можно и сейчасъ, отвѣтили Карауль-беги и позваль старуху.

Накинувъ на себя широкой халатъ, лежавшій тутъ же невдалекѣ, мать хозяина степенно подошла ближе и остановилась въ ожиданіи.

Предложивъ ей сѣсть и подавъ чашку чая, я осторожно задалъ нѣсколько вопросовъ, касавшихся ея ремесла.

Но, къ моему удивленію, старая женщина, не смущаясь, присѣвъ на кошму и осматривая меня своими красивыми глазами, сама охотно заговорила.

— Тюра, хочеть знать наши обычаи, какъ и что дѣлается когда люди женятся и выходятъ замужъ? Старая Калями-Биби имѣеть очень длинный языкъ, отъ времени сдѣлавшійся болтливѣе, чѣмъ у другихъ женщинъ; поэтому я съ удовольствіемъ буду отвѣчать, если тюра спросить.

И тутъ же, усмѣхнувшись, добавила:

— Все кисметъ! Когда была молода, тюру бы встрѣтила и была бы нужна ему для другого, а теперь старая—только годна для болтовни.

Взявъ въ ротъ изюмину и прихлебнувъ глотокъ чая, она весело посмотрѣла вокругъ.

— Вотъ, тюра, эти люди всѣ меня любятъ и знаютъ, потому что черезъ меня они свои дома устраивали, женились сами и дочерей замужъ выдавали и для своихъ сыновей женъ находили. Старая Калямъ-Биби всѣхъ вокругъ знаетъ. Оттого ей всегда и вездѣ лучшее мѣсто и самый вкусный кусокъ.

Если кто ищеть себѣ жену—приходить ко мнѣ, и я тогда думаю, какая дѣвушка ему подходитъ. Вспомнивъ подходящую, сейчасъ же ѣду къ ея матери и, какъ полагается при этомъ, говорю: «мы сдѣлались вашими рабами». Она мнѣ съ ласкою отвѣчаетъ: «добро пожаловать! Только сегодня нѣтъ времени, приходите завтра». Я уже знаю, что это обычай, возвращаюсь къ жениху спокойно и передаю: «завтра приходите нужно».

На другой день, еще раньше, подъѣзжаю къ дому матери невѣсты, и встрѣчаютъ уже меня словами: «заходите и скажите, какое до насъ дѣло». А вокругъ кибитки въ это время веселый смѣхъ идетъ: дѣвушки въ кибитку заглядываютъ, все услышать хотятъ, во всѣ щели любопытные глазки видны.

Тогда я и говорю: «живетъ въ такомъ то кишлакѣ очень хорошій человекъ, много у него барановъ и лошадей, и зерна, и звонкихъ серебряныхъ денегъ, и пріятныхъ для глаза золотыхъ тилла».

Слушаетъ меня мать, а зама сердцемъ радуется, что такой хорошій человекъ ея дочь въ жены взять желаетъ, но сама виду не показываетъ, что рада, и только снова, по адату, скажетъ: «приходите завтра».

На другой день мы уже съ матерью вмѣстѣ ѣдемъ смотрѣть жениха и, остановившись, будто невзначай, около его кибитки, раз-смотреть она будущаго мужа своей дочери, который къ тому времени на свой дворъ выйдетъ.

«Хорошій молодой бай», одобритъ мать жениха.

Затѣмъ уже черезъ нѣсколько дней друзья и родные жениха относятъ подарки и достарханъ невѣстѣ: котель плова, 100 лепешекъ, корзину урюку, шелковую рубаху, шальвары, платокъ, ичиги съ галошами и мѣшечекъ съ 100-200 и больше, смотря по достатку, серебряными тенгмами.

Рады и довольны всѣ почетнымъ гостямъ, принимаютъ и благодарятъ за достарханъ и награждаютъ ихъ подарками.

А черезъ мѣсяцъ уже аксакалы ведутъ большіе разговоры о калымѣ. Тутъ ужъ дѣло отца дѣвушки. Сколько назначить, столько и долженъ женихъ дать. Бѣдный меньше, а богатый больше: 30 халатовъ, 20 платковъ, три штуки ситца, 25 барановъ, 4 кобылы, 500 большихъ лепешекъ, 1.000 среднихъ, 2.000 маленькихъ, 4 батмана рису, 4 батмана муки, 1 корзину конфетъ, пять головъ сахару, принялась пересчитывать скороговоркою, всякія вещи и припасы старуха.

— Но это не особенно много, удивился я, слыша перечисленіе.

— Да, тюра, для васъ это немного, но у насъ такой калымъ считается большимъ. Ну, а кромѣ того, надо еще заплатить за молоко матери; тутъ ужъ опредѣляютъ деньгами — одна, двѣ, три, десять тысячъ денегъ.

Потомъ, когда сговорятся во всемъ, тогда назначаютъ день ни-

саха — свадьбы, которую совершает мулла, читая молитвы и призывая благословение Аллаха на молодыхъ. И до этой поры женихъ не видит своей невѣсты.

Хотя, тюра, такъ по старинѣ было, теперь уже не то, вздохнула старуха; въ Гиссарѣ, Дешамбе молодые люди такъ устраиваютъ, что видятъ другъ друга и раньше, а у киргизовъ дѣвушка вольная, тамъ она всегда и у всѣхъ на виду.

Послѣ писаха бываетъ той у отца невѣсты, а потомъ у отца жениха. А мнѣ, тюра, всегда подарки дѣлаютъ—тѣмъ и живу.

Прости, тюра, если надоѣла своими бабьими рассказами, закончила старуха, вставая.

Я поблагодарилъ за интересное сообщеніе и, вынувъ кошелекъ, протянулъ въ признательность нѣсколько тепегъ, которыя старуха, удивительно быстро схвативъ своими крючковатыми руками, сейчасъ же вложила за щеку и торопливо ушла, продолжая бормотать слова благодарности.

Надъ кишлакомъ уже спустилась ночная тьма, среди которой кое-гдѣ виднѣлись костры, разложенные около кибитокъ и въ садахъ для приготовленія ужина. Въ воздухѣ чувствовалась сырость, и длинныя полосы тумана потянулись съ рѣки и изъ арыковъ, смѣшиваясь съ дымомъ. Запахъ домашняго скота являлся преобладающимъ. Во всей этой густой атмосферѣ чувствовалось что то нездоровое, вредное.

Д. Логофетъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

